

Гадалка предсказала его матери, что у нее родится сын, который прославится и «будет у воды». Так и случилось: он погиб почти у Волги, а имя его написано золотыми буквами на 10-м знамени в Мемориале Славы Мамаева кургана. Неизымаемо оно и из истории русской советской литературы 1930-1940-х, из того самого ряда «талантов, красавцев, поэтов», что ушли в вечность молодыми: киевлянин Павел Коган (1918-1942), симбирский крестьянин, а затем житель города Иваново Николай Майоров (1919-1942), уроженец Хингана Иосиф Уткин (1903-1944),

херсонец-беспризорник-харьковец Арон Копштейн, погибший в 1940-м на финской войне, как и воронежец Николай Отрада (Турочкин).

22-го августа 1919 г. в Харькове, который тогда занимала Добровольческая армия, родился Михаил Кульчицкий. В Чичибабин-центре вспоминали поэта-земляка – в канун 23 августа с.г., дня освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков, когда отмечался и День города, коему исполнилось 365 лет.

В феврале 1939 г. Кульчицкий написал в стихотворении «Мой город»:

*«Я люблю родной мой город Харьков –
Сильный, как пожатие руки.*

....

*И когда повеет в даль ночную
От границы орудийный дым –
За него, и за страну родную
Жизнь, коль надо будет, отдадим».*

23-летний Михаил Кульчицкий погиб 19 января 1943 г. под селом Трембачево Луганской области, в ходе развития Сталинградской битвы.

У Кульчицкого наиболее часто вспоминают знаменитое, написанное за три недели до гибели и помеченное автором «26 декабря 1942 г., Хлебниково-Москва»:

*«Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
вертящихся пропеллерами сабель.
Я раньше думал: «лейтенант»
звучит вот так: «Налейте нам!»
И, зная топографию,
он топает по гравию.
Война – совсем не фейерверк,
а просто – трудная работа,
когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.
Марш!
И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чеботы
весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
с ежедневными Бородино».*

Однокурсник Кульчицкого по Литинституту Сергей Наровчатов писал в 1960-е годы: «Наше поколение не выдвинуло великого поэта, оно само по себе – все вместе – выдающийся поэт с поразительной биографией. И у нас есть свои герои, свои мученики, свои святые».

Кульчицкий, несомненно, – один из героев и мучеников своего поколения. Исследователи напоминают, что И. Сельвинский, Н. Асеев, С. Кирсанов, П. Антокольский пророчили ему будущее эпического поэта масштаба Маяковского, да и сам Кульчицкий верил в свое предназначение и про то писал родителям в Харьков 1 декабря 1940 г.: «Пахнет тем, что нам удастся пройти в печать и переделывать в поэзии все по-своему. Стронников у нас все больше, как и врагов. Может быть, я стану очень большим из поэтов, потому что

поэзия теперь в болоте, а я стараюсь писать как могу лучше».

Кульчицкий обладал живым языковым чутьем, любил малороссийские реченья: «О как я русских девушек прохаю говорить любимым губы в губы задыхающееся «кохаю» и понятнейшее слово – «любый»».

Харьковский филолог Михаил Красиков рассказывает, что еще школьником Кульчицкий составил картотеку 85-ти основных стихотворных размеров, беря примеры из любимого Лермонтова или же сочиняя их; упражнения ради «переводил» Жуковского на язык Маяковского и наоборот. С детства одним из его любимейших поэтов был Велимир Хлебников; мальчишку волновало, что Председатель Земного Шара бродил по харьковским улицам! В стихотворении о Хлебникове Кульчицкий

воспроизвел известную легенду о том, как поэт сжег свои стихи, чтоб ребенок мог согреться этим теплом.

Огромный гроссбух, в котором были десятки тысяч строк, написанных Кульчицким в 1940–1942 гг., канул в огне войны. «Мы не знаем, каких высот достиг бы Кульчицкий в поэзии. Но он был «творянином» (любимое хлебниковское словцо), успевшим сотворить самое главное – себя. Сотворить столь талантливо, что нельзя не ощутить реального тепла, прикасаясь к его поэзии, его судьбе» (М. Красиков).

Бабушка поэта по отцу, Евгения Федоровна Цвейгер, была певицей и актрисой. Играла в харьковском театре Сарматова, а после революции – в Народном театре (Театр Дома рабочих металли-

стов). Состояла в родстве с поэтом Фетом. «Бабушка посещала его в Орловской губернии, – поделилась в своих воспоминаниях сестра поэта Ольга Валентиновна, – но дружбы у них как-то не получилось... Окончила Одесскую консерваторию по классу вокала, полюбила Михаила Васильевича, деда моего, за которого и вышла замуж. Дед был казацкого рода, хотя корни тянутся из Польши. А прадед наш – храбрый казак Василий – воевал с турками и принимал участие в освоении Кавказа. Из военных походов он привез себе жену – грузинскую княжну. Жили они с тремя сыновьями в Киеве. Один из них, Михаил, и был нашим дедом».

Сам же поэт в стихотворении «Дословная родословная» писал:

*«Мое родословное древо другое –
Я темнейший грузинский
Князь*

.....

*Я немного скрывал это
Все года,
Что я актрисою-бабушкой немец.
Но я не тогда,
А теперь и всегда
Считаю себя лишь по внуку:
Шарземец».*

«К словам Ольги и Михаила Кульчицких можно добавить лишь то, – пишет харьковский публицист Дмитрий Губин, – что они происходили из дворян Херсонской губернии. А также главное – рассказ о судьбе их любимого отца, Валентина Михайловича (1880–1942), героя Русско-японской войны и Первой мировой». 3 июня 1900 года Валентин Кульчицкий вступил в армию «рядовым на правах вольноопределяющегося 2-го раз-

ряда». За одну из разведок во время Русско-японской войны в ноябре 1905 года он получил первую боевую награду – Георгиевский крест 4-й степени. К концу службы был кавалером полных четырех Георгиев – орденов, которыми награждали за исключительную личную храбрость. Затем был произведен в офицеры и дослужился до ротмистра. В Первую мировую войну Кульчицкому довелось служить под командованием генерала

Брусилова. На фронте Валентин Михайлович начал вести дневник, страницы которого вошли в изданные им позже рассказы о войне. Кульчицкий – также автор двух поэтических сборников. «Отклики души в минуты вдохновения» изданы в 1906-м в Твери, а «Росинки поэзии» – в 1912-м в Харькове. В 1917 г. Валентин Михайлович женился на Дарье Яструбинской, сироте, переехавшей из Славянска.

Поэт Борис Слуцкий (тоже уроженец Славянска), близкий друг Михаила Кульчицкого, вспоминал: «Давным-давно в Харькове на Грековской улице в темноватой, уставленной старинной мебелью квартире Кульчицких Миша показывал мне несколько тоненьких книжиц отца. Среди них были стихи – они, кстати говоря, описаны в известном библиографическом томе Тарасенкова (Русские поэты XX века: 1900-1955). Было и несколько брошюр об армии, о морали военного человека, офицера, гвардейца. Мы с удивлением вычитали из брошюр полемику с Короленко: В. М. Кульчицкий отстаивал необходимость в офицерской среде дуэлей. В.Г. Короленко зло и убедительно его оспаривал».

Но главной книгой В. М. Кульчицкого, как считала Ольга Валентиновна, стали «Советы молодому офицеру», в которой в виде афоризмов были изложены «даже сейчас, а может быть, именно сейчас не устаревшие истины и правила поведения на службе и в быту». Выдержав несколько переизданий, книга стала основой принятого в армии кодекса чести офицера. Ее цитировала газета «Красная Звезда» в конце 1943 г.

После революции отец будущего поэта Кульчицкого получил

юридическое образование и работал юрисконсультom.

Сегодня о поэте в Харькове напоминают мемориальная доска на доме, где он жил (ул. Грековская, 9/ пер. Ващенко-вский, 2), а также имя на мемориальных досках, посвященных погибшим в войну, в местном отделении Союза писателей и в 30-й школе, где Кульчицкий заканчивал старшие классы десятилетки.

Мемориальная доска на доме, где вырос поэт, была установлена в 1989 г. В церемонии открытия доски принял участие поэт Е. Евтушенко. Памятную доску на Грековской охотники за цветными металлами похищали трижды (как и в канун столетия поэта), однако всякий раз она восстанавливается.

Литературовед Лев Аннинский пишет, что в 1933 г. отец М. Кульчицкого был арестован «за сокрытие дворянского происхождения, каковое (сокрытие) объяснил следователям так: революция отменила сословия, и он просто не придавал значения странным пунктам анкеты. При всей внешней верноподданности такой довод отдавал тонкой издевкой, и арестанта отправили на Беломорканал, а затем в ссылку, куда к нему на свидание допустили со временем и сына. Сын вывез из поездки поэтически изваянный карельский пейзаж, стихотворение появилось в журнале «Пионер», и это стало первой публикацией Михаила Кульчицкого».

Освободили Валентина Михайловича в 1936 г. «за отсутствием состава преступления», но проживать в больших городах ему не разрешалось. Он снял комнату в Белгороде, в 80-ти км. Однако в 1937 г. вернулся в Харьков и снова работал юрисконсультom, до

самой войны. По свидетельству Петра Горелика, друга поэта, «арест отца помешал Михаилу поступить после школы в военное училище».

Вскоре после открытия харьковского Дворца пионеров, первого в СССР, Михаил стал посещать литературный кружок, руководимый Григорием Гельфандбейном, который спустя многие десятилетия будет рассказывать нам, молодым харьковским поэтам 1980-х, как общался в Харькове еще с Хлебниковым и Петниковым. В знаменитом Дворце пионеров

Кульчицкий близко сошелся со Слуцким.

Поработав после окончания школы чертежником на тракторном заводе, Кульчицкий поступил в Харьковский государственный университет, а затем перевелся в Литинститут им. Горького в Москву, где они вместе со Слуцким учились в семинаре Сельвинского.

Эти «мальчики Державы», как очень точно назвал свой литературоведческий цикл о поэтах Л. Аннинский, были, безусловно, людьми пламенно советскими:

*«И пусть тогда
на язык людей
всепонятный –
как слава,
всепонятый снова,
попадет
мое
русское до костей,
мое
советское до корней,
мое украинское тихое слово...»*

Или вот:

*«Как в девятнадцатом –
от Украины – к Сибири
проползли,
пробежали,
проАдали вы –
от Польши к Японии
нам родину ширить...»*

Показательна и такая реплика:

*«Мы запретим декретом Совнаркома
Кропать о Родине продажные стихи».*

В 1941 г. Михаил ушел на фронт рядовым в один из истребительных батальонов. Он все же стал офицером – закончив по ускоренной программе Московское пулеметно-минометное училище. В звании младшего лей-

тенанта 26 декабря 1942 г. был направлен на Сталинградский фронт. Да-да, в тот самый день и написано выше приведенное знаменитое стихотворение «Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник...»

Семья в это время находилась в оккупированном Харькове. 25 августа 1942 г. Валентин Михайлович попал в немецкую облаву, а затем в тюрьму, где подвергался истязаниям и заболел тифом. Скончался – 10 декабря. О чем сын-поэт так и не узнал.

«С такими лицами в наше время погибают», – вспоминал о Кульчицком поэт-фронтовик Давид Самойлов (по паспорту Кауфман), автор статьи «Кульчицкий и пятеро». (Почему пятеро, критик находит ответ у Николая Глазкова: «А рядом мир литинститутский, где люди прыгали из окон, и где котировались Слуцкий, Кульчицкий, Кауфман и Коган».)

Долго ходили слухи, что Кульчицкий все ж не погиб. Его друг Слуцкий, служивший в военной прокуратуре, даже наводил справки в СМЕРШе. Потом он напишет: «И я, как собака, вою Над бедной твоей головою...»

«Сам Кульчицкий настроен иначе, – пишет Л. Аннинский. – Ему весело! Поднявшись дежурить на крышу во время немецкого налета, он выбрасывает в ящик с песком зажигалки и – пляшет! «Я самый счастливый человек на свете», – эту его фразу запоминают мемуаристы. Надо соединить

это самоощущение с самой ранней фразой в его поэтическом архиве, в 15 лет написанной: «Не моя ли каштановая голова поднялась над черной войной?» – тогда трагедия обнажит свою логику, не вменяемую ни во что, кроме великих стихов».

Еще в 1989 г. харьковская общественность добивалась увековечения памяти Кульчицкого в названии одной из улиц. Тот же доброхот М. Красиков, к слову, подготовивший совместно с сестрой поэта О. В. Кульчицкой к изданию сборник Михаила Кульчицкого «Вместо счастья. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания о поэте» (Харьков, Пропор, 1991) с оформлением белгородского графика Станислава Косенкова, почти сразу ставший библиографической редкостью, писал к девяностолетию поэта: «Двадцать лет спустя мы предлагаем вновь вернуться к этому вопросу».

И вот решением горсовета в 2012 г. улица Кульчицкого появилась!

Верится, что когда-то Харьков дождетя и памятников друзьям-поэтам, молодым фронтовикам Великой Отечественной – Кульчицкому и Слуцкому.